

Г.Ф. Коган

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ (поиски и находки)

*«Музеи, коллекции и арсеналы,
прекратив движение, мертвеют...»*

Гете

Часто личные архивы писателей рассеяны по разным местам хранения. Только автографы Пушкина передаются в Пушкинский дом, и все рукописи Л. Толстого хранятся в Толстовском музее.

Непросто сложилась судьба наследия Ф.М. Достоевского. Рукописи сосредоточены в основном в трех архивохранилищах: в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в Российском государственном архиве литературы и искусства и в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом).

Наряду с записными тетрадями и черновиками к романам, рукописями и перепиской писателя, документами и деловыми бумагами Анна Григорьевна Достоевская еще при жизни мужа начала собирать все, что имело отношение к его памяти. Собранные ею любимые книги и вещи Федора Михайловича, его иконография (живописные портреты, рисунки, гравюры, офорты, литографии и фотографии), изображения окружавших его людей — родных, друзей, знакомых, современников, «имеющих важное значение в его жизни», хранятся в основном в Литературном музее Пушкинского дома (после открытия петербургского Музея Достоевского часть коллекции была передана туда) и в Мос-

ковском Музее-квартире Ф.М. Достоевского (с 1940 — филиале Государственного Литературного музея).

После 1914 г. А.Г. Достоевская отдала часть коллекции на хранение в Петербургский ломбард. В 1921 г. областной отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины передал ее в Пушкинский дом. В Музей-квартиру Ф.М. Достоевского в Москве, открытый в 1928 г. и долгие годы, до 1970-х, остававшийся единственным, перешла, пожалуй, большая часть коллекции А.Г. Достоевской, — та самая, которую она подарила Москве. А.Г. Достоевская была основательницей первого в России музея Достоевского. Он был открыт в одной из башенок Исторического музея имени Императора Александра III в 1891 г., в десятую годовщину со дня смерти писателя, называясь вначале «Отделом Достоевского», а в мае 1906 г. освящен и утвержден как «Музей памяти Достоевского».

В том же году А.Г. Достоевская издала две книги: «Музей памяти Ф.М. Достоевского при Императорском Российском Историческом музее им. Александра III в Москве» (в 500 экземплярах, с иллюстрациями) и более скромный вариант — «Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф.М. Достоевского». Пополнением и дальнейшей систематизацией своей коллекции Анна Григорьевна занималась до конца жизни. Коллекцией Анны Григорьевны восхищался известный коллекционер (составитель коллекции вещей и книг Пушкина) Александр Федорович Онегин, посетивший Анну Григорьевну в Петербурге: «5000 предметов! О, если бы я мог создать что-либо подобное! Слюнки текут...»¹

«Особенно радовало меня то, — писала А.Г. Достоевская в своих воспоминаниях, — что музей памяти Ф.М. Достоевского будет находиться в сердце России, в городе, где родился мой муж, всегда так любивший Москву, но, по сложившимся обстоятельствам, к своему искреннему сожалению, принужденный жить в других местах».²

В 1929 г. «Музей памяти Ф.М. Достоевского» в Историческом музее был закрыт. Рукописи были переданы в рукописный отдел Гос. библиотеки им. В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека), а личные вещи

писателя, его письменный стол, портреты и другие изобразительные материалы — в Музей Достоевского на Божедомку, дом детства и юности Достоевского. Однако туда же попала и некоторая часть рукописного материала и какое-то время хранилась там. Об этом свидетельствует в своих воспоминаниях А. Мальро, приехавший в 1934 г. на первый съезд советских писателей: «Мейерхольд после того, как показал мне описанный в «Преступлении и наказании» старый санкт-петербургский квартал... показал мне также тот дом в Москве, где прошла его юность, дом его отца... Хранительница вытащила из письменного стола и протянула нам книгу: «Это Библия, которую он привез с каторги». Она была покрыта надписями».³

Первоначально формирование коллекции московского музея началось независимо от поступлений из Исторического музея. Собранные первой заведующей музеем В.С. Нечаевой рукописные материалы вместе с той частью рукописей, которые пришли из Исторического музея (в том числе и Евангелие), были переданы ею в рукописный отдел Гос. библиотеки им. В.И.Ленина (ныне РГБ) в 1940 г.

Долгое время считалось, что вся московская коллекция А.Г. Достоевской перешла из Исторического музея в указанные хранилища. Однако, занимаясь в Государственной публичной исторической библиотеке изучением журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», я неожиданно заметила на журнальных страницах пометы А.Г. Достоевской, а на титульных листах овальные штампы музея Достоевского при Историческом музее и инвентарные номера, поставленные четким почерком Анны Григорьевны (они совпадали с номерами «Библиографического указателя...»). Сомнений не было: часть московской коллекции оказалась в Исторической библиотеке. Она попала вместе с другими книгами библиотеки Исторического музея в Публичную историческую библиотеку, открытую в Москве в 1938 г. Мне удалось разыскать тех людей, которые работали в библиотеке Исторического музея и могли вспомнить, как происходило передвижение в публичную библиотеку многих книжных коллекций, в том числе и коллекции А.Г. Достоевской.

В 1960 г. и 1962 г. найденные мною материалы были переданы в наш музей. Среди них оказались не только книги и переписанные Анной Григорьевной из зарубежных и русских изданий рецензии на произведения Достоевского, инсценировки его повестей и романов, программы и афиши, пригласительные билеты на литературные чтения, в которых он принимал участие, денежно-имущественные документы А.Г. Достоевской, но и, например, тетрадь, содержащая деловые документы, связанные с финансовыми отношениями Достоевского и Литфонда, в которой обнаружили автографы Достоевского, нигде не отмеченные Анной Григорьевной. Тетрадь озаглавлена А.Г. Достоевской «Официальные документы, относящиеся до отношения Ф.М. Достоевского к Обществу для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Среди документов, подписанных Достоевским, находится повестка Литфонда, «приглашающая господ писателей, участвующих в спектакле «Ревизор», на репетицию (в этом любительском спектакле он выбрал для себя роль почтмейстера Шпекина). На обороте ее мне удалось прочесть сделанный очень бледными чернилами черновой набросок Достоевского к роману «Униженные и оскорбленные». До этого рукописные материалы к этому роману оставались исследователям совершенно неизвестными.⁴

Значительной моей находкой в Исторической библиотеке оказалась «черная папка» А.Г. Достоевской. Такие папки были специально заказаны ею для своего музея. Одна из них, озаглавленная «Документы о прохождении службы и официальные бумаги Ф.М. Достоевского», не попала ни в Музей Достоевского на Божедомку, ни в архивы. Поиски тянулись не один год, начались они с попытки найти подлинный диплом Ф.М. Достоевского на звание члена-корреспондента Академии наук. Диплом этот никто не видел. Б.Л. Модзалевский сообщал об академическом звании Достоевского в 1921 г. на основе рукописной копии диплома, оставшейся в архиве Академии наук.⁵ Анна Григорьевна не раз в своих записных книжках замечала для себя, «что добавить к Воспоминаниям о Ф.М. Достоевском», и дважды отметила: «Не забыть о выборе Ф.М. членом-корреспондентом».

том Академии наук. Это признание литературных заслуг было очень приятно Ф.М.» (л. 18). Сотрудники библиотеки помогли мне. Папка была найдена в 1976 г. в сейфе Исторической библиотеки, где особенно бережно хранились реликвии русской истории и культуры.⁶

В этой же папке оказались и другие подлинные документы Достоевского, которые не были указаны в описаниях материалов о Достоевском ни в одном архиве. Они связаны с пребыванием Достоевского в Инженерном училище. Далее в папке следовали «Статейный список о государственных и политических преступниках, находящихся в Омской крепости» и «Приказ об увольнении Достоевского Ф.М. в чине прапорщика», документ о тверском периоде жизни Достоевского, который искали исследователи, документы об издании Достоевским журнала «Гражданин». Последний документ в папке — «Свидетельство о смерти и погребении Ф.М. Достоевского, выданное причтом церкви Владимирской Божьей Матери в С.-Петербурге». Всего 13 документов!

Коллекции, как и книги, имеют свою судьбу. Папка с документами, через которые проходит вся жизнь Достоевского, оказалась в том доме, где он бывал в детстве, приходил в этот дом, когда в 1860-х приезжал в Москву. Здание Исторической библиотеки с 1828 г. принадлежало первостатейному купцу и дворянину Александру Алексеевичу Куманину, женатому на Александре Федоровне Нечаевой, старшей сестре Марии Федоровны Нечаевой, матери Достоевского. Тетушка «многому способствовала [...] в нашем развитии», — говорил о ней Достоевский.

С Исторической библиотекой связана еще одна ценная находка. Обменный фонд библиотеки постоянно отправлял в институты иностранных языков разных городов России непрофильные для библиотеки издания сочинений русских писателей на иностранных языках. Неожиданно я услышала, что обменный фонд библиотеки подготовил к отправке в Кустанай партию книг — сочинений Достоевского на иностранных языках. Я попросила разрешения взглянуть на них. Это оказались книги в черных и красных коленкорových переплетах, с факсимильным воспроизведением на них золотой и серебряной краской автографа Достоевского:

«Федор Достоевский». Это были книги из коллекции А.Г. Достоевской, которые она собирала в разные годы для своего московского музея и специально заказывала для них переплеты.

В неопубликованных страницах воспоминаний А.Г. Достоевская рассказывает о своей собирательской работе: «Отправляясь за границу, я забирала с собой списки книг на иностранных языках, и во всех городах, мною посещаемых, находила для себя поживу. Так, в Амстердаме — мне удалось собрать несколько романов Ф.М., переведенных на голландский язык, в Италии — почти все его романы, в Будапеште несколько повестей (напр. роман «Игрок» в двух изданиях), на венгерск. яз. В Берлине и Лейпциге у меня были тоже корреспонденты, которые мне доставали книги; а в Париже, не разыскав нужных для меня статей, я три недели сряду ходила в *Bibliothèque Nationale* и списала то, что мне представлялось выдающимся».⁷

Анне Григорьевне удалось получить последние издания сочинений Достоевского, вышедшие в Висбадене и во Франкфурте-на-Майне. «Таможенные чиновники удивлялись, находя в ее чемоданах одни только книги — томики сочинений Достоевского, бережно завернутые в платье.»⁸

Из 15 книг, указанных А.Г. Достоевской в каталоге переводов сочинений на датский язык, в Исторической библиотеке нашлись 7: «Бедные люди» (1884), «Униженные и оскорбленные» (1886), «Слабое сердце», «Преступление и наказание» (под названием «Раскольников»), «Бесы» (1886), «Вечный муж» (1888).

Одна из книг — «Раскольников» — подарена Анне Григорьевне известной датской переводчицей, на титульном листе надпись на французском языке: «Мадам, примите выражение живейшей радости и глубокого восхищения, которые я испытала, делая доступным моим соотечественникам нетленное произведение г-на Достоевского. Анна Жуэль-Хансен урожденная Драхман (Анна Вундт)». Возможно, книга была получена от переводчицы во время пребывания Анны Григорьевны в Копенгагене.

Из 7 изданий романов Достоевского на голландском языке найдены 2 книги: «Униженные и оскорбленные» (1891),

«Преступление и наказание» (1885). Нашлось издание на испанском языке «Записок из Мертвого дома» — Мадрид, 1880-е, две книги — на норвежском, 7 — на шведском, 4 — на финском; издание сочинений Достоевского в начале 1880-х в Белграде (на сербском языке), в Праге (на чешском языке), переводы на хорватский язык.

На всех титульных листах есть инвентарные номера и штампы Исторического музея. Так еще одна часть коллекции оказалась в Литературном музее. Немалую часть среди этого поступления составляют материалы о последних годах жизни А.Г. Достоевской — имущественно-хозяйственные документы, связанные с ее дачами в Адлере и Ялте, ее переписка. После ее смерти документы находились в руках Ф.Ф. Достоевского. Он вез их в чемодане, который в 1918 г. был отнят у него чекистами в Севастополе. Благодаря хлопотам Исторического музея чемодан был доставлен в Москву и поступил в распоряжение музея. Об этом мне рассказывал А.Ф. Достоевский, внук писателя; об этом эпизоде сообщалось и в прессе 1920-х.

При отправлении в Москву своей коллекции Анна Григорьевна завела общую тетрадь под названием «Книга для записывания книг, бюстов, портретов и других предметов, отправленных в Московский Императорский Исторический музей А.Гр. Достоевскою. 1890» (хранится в Пушкинском доме). О письменном столе ею сделана такая запись:

«Отправка восьмая.

Письменный стол, орехового дерева, под воск, крыт зеленым сукном, на ножках, имеет пять ящичков. Принадлежал Ф.М.Достоевскому».⁹

В «Библиографическом указателе» под № 3745 (отдел XV. Вещи, принадлежавшие Ф.М. Достоевскому и его матери) Анной Григорьевной указано: «Письменный стол орехового дерева (1875—80 г.). За этим столом были написаны Ф.М.Д. «Дневник писателя» 1876—77 г. и часть романа «Братья Карамазовы». В период работы над «Дневником писателя» и в те дни, когда в апреле 1878 г. появились первые черновые наброски к роману «Братья Карамазовы» и обдумывался план романа, Достоевские с середины сентяб-

ря 1875 до середины мая 1878 г. жили в доме А.П. Струбинского на углу Греческого проспекта и 5-ой Рождественской улицы, № 6, близ Греческой церкви.

«...Займусь одной художественной работой, сложившейся у меня в эти два года неприметно и неволью»,¹⁰ — писал Достоевский, прощаясь с читателями своего «Дневника». И это признание Достоевского и указанная А.Г. Достоевской дата (1875-1880) позволяют утверждать, что и за этим столом писал Достоевский свой последний роман, подводя итог «всей своей жизни», что и этот стол был перевезен в последнюю квартиру. У Достоевского было два стола. Часто бывавший у него М.А. Александров так описывает небольшой кабинет писателя в его предпоследней квартире: «Два простые стола, какие можно видеть в казенных присутственных местах, из коих один, поменьше, был весь занят книгами, журналами и газетами, [...] на другом, большем — находились чернильница с пером, записная книжка, довольно толстая пачка почтовой бумаги, [...] кресло без мягкого сиденья».¹¹

16 мая 1878 г. в этой квартире умер младший сын писателя Алеша. Анна Григорьевна, чтобы хоть несколько успокоить Достоевского, упросила Вл. Соловьева уговорить Федора Михайловича поехать с ним в Оптину Пустынь. Лето Достоевский провел с семьей в Старой Руссе, а с начала октября поселился в Петербурге в доме на углу Ямской улицы и Кузнечного переулка. На фотографии кабинета Достоевского в его последней квартире стоит другой письменный стол, на котором был написан роман «Братья Карамазовы» и единственный номер «Дневника писателя» за 1881 год. Этот последний стол писателя разыскивала в 1920-х — начале 1930-х любимая невестка Анны Григорьевны (жена Федора Федоровича) — Екатерина Петровна Достоевская и обращалась за помощью к А.В. Луначарскому и В.Д. Бонч-Бруевичу.

«[...]В моей квартире на Фурштадской были все наши семейные реликвии — диван, на котором умер Ф.М., Сикстинская Мадонна, письменный стол, на котором были написаны «Братья Карамазовы», кресло, шифоньерка Ф.М. и масса мелких вещей, не говоря о собрании фотографий — уник. В 22 году после смерти мужа было дано разрешение комиссару вывезти из нашей квартиры всю

обстановку. В 24 же году я подавала заявление в отдел музеев о розыске этих исторических вещей, но безрезультатно, в конце 24 года я возобновила мои хлопоты, но Зав. тогда музеями, жена ТРОЦКОГО, мне заявила, что я ошибаюсь, что все вещи (на самом деле копии, дубликаты¹²) находятся в Историческом музее, я убеждала ее с документами в руках — но ничего не добила...

Любимое детище А.Г., которое она собирала 25 лет, теперь частью попало в Мариинскую больницу, где родился Ф.М., частью в Пушкинский дом, частью в другие музеи». ¹³

В свой «Музей Ф.М. Достоевского» Анна Григорьевна отдала немало фотографий современников великого русского писателя (см. Отдел IX. Портреты современников Ф.М. Достоевского, его друзей и лиц, имеющих отношение к его служебной и литературной деятельности»). Многие фотографии снабжены комментариями А.Г. Достоевской.

Некоторые из них были подарены Достоевскому — об этом свидетельствуют дарственные надписи. Другие он собирал сам. Так, в письмах из Старой Руссы к С.А. Толстой Достоевский шутя рассказывал, что «достал» в Москве три фотографии Вл. Соловьева: «в юношестве, в молодости и последний в старости»¹⁴ — Соловьеву в это время было 30 лет.

«Я сохраняю несколько фотографий людей, которых наиболее любил в жизни [...]»¹⁵

Большую часть портретов современников Достоевского Анна Григорьевна собрала после его смерти. Ей помогали и друзья, знакомые. Музею-квартире Ф.М. Достоевского удалось дополнить ее коллекцию и разыскать портреты, которых в ней не было. Так, в списке А.Г. Достоевской не названы ни А.П. Сулова, ни А.И. Шуберт. Из петрашевцев — только И.М. Дебу (второй)¹⁶ и А.Н. Плещеев (фотография была подарена Достоевскому самим поэтом). Н.А. Спешнева, одного из выдающихся представителей кружка петрашевцев, оставившего глубокий след в творческой памяти Достоевского, в списке тех, кто, по мнению Анны Григорьевны, много значил для Достоевского, нет.

Однажды, в 1960-е, в одном из московских архивов я обнаружила сведения о потомках Спешнева, живущих в Грузии. Называлась фамилия Ткемаладзе, в доме которых в

Тбилиси имеется портрет Н.А. Спешнева. Я стала их искать.

У Николая Александровича Спешнева (1821—1882) было двое сыновей от гражданского брака — Николай и Алексей. Сын Николая Николаевича Александр служил в Грузии по землеустройству, жил то в Тбилиси, то в Сухуми, то в Сочи (детей у него не было). У Алексея Николаевича было семеро детей: трое сыновей — Алексей, Николай, Валериан, и четыре дочери — Юлия, Маргарита, Надежда, Наталья. Ткемаладзе — это Маргарита Алексеевна Спешнева, вышедшая замуж за известного в Тбилиси юриста Галактиона Абессаломовича Ткемаладзе. В 1961 г. Маргарита Алексеевна умерла. Портрет Н.А. Спешнева привезла в Москву, в музей, ее двоюродная сестра Спешнева Зинаида Валериановна в 1963 г. Алла Львовна Ястребицкая, правнучка Николая Николаевича, кинорежиссер Алексей Владимирович Спешнев, сын Юлии Алексеевны, бывали на Божедомке на научных заседаниях и вечерах, присутствовали они и на докладе В.Р. Лейкиной-Свирской о новых архивных материалах о Спешневых, обнаруженных ею в Иркутске. Подаренная музею после этого доклада фото пленка хранилась в фототеке Литературного музея. Интересные сведения по родословной Спешневых были подсказаны мне Ф.Г. Никитиной, ученицей и другом В.Р. Лейкиной-Свирской.

Дары из семьи Спешневых появились еще в октябре 1934 г. (1934 — год появления Государственного Литературного музея), в то время, когда основатель музея В.Д. Бонч-Бруевич вел огромную переписку с потомками писателей, художников и исторических деятелей, призывая их передавать в государственные хранилища свои семейные и родовые архивы, чтобы сберечь их от гибели. Конечно, не мог он не обратиться и к Спешневым. От А.Н. Спешнева в музей поступили портрет Николая Александровича и его белые лайковые перчатки, от Надежды Алексеевны и Юлии Алексеевны Спешневых — письма Н.А. Спешнева к отцу (опубликованы в журнале «Каторга и ссылка», 1930, № 1) и дрезденский портрет его 1848 года. Пришедший от Ткемаладзе настольный портрет работы В. Мейера (бумага на картоне, акварель, белила, в черной

рамке), датируемый 1846—1847 гг. (КП 39060), был исследователям неизвестен и выставляется на выставке «Мир Достоевского» впервые.

В 1930-е Бонч-Бруевич писал и Штакеншнейдерам. Тогда в Литературный музей поступили первые материалы, связанные со знаменитым петербургским салоном Е.А. Штакеншнейдер, в котором любил бывать Достоевский. Дружба со Штакеншнейдерами — одна из светлых страниц в его жизни. На выставке представлены уникальные фотографии, полученные еще в 1930-е от Галины Павловны Эйснер, историографа семьи Штакеншнейдеров. В 1963 г. мне удалось получить в дар от Софьи Владимировны Штакеншнейдер фотографию Ф.М. Достоевского с его автографом — дарственной надписью: «Боре Штакеншнейдеру от Ф.М. Достоевского. 4 мая 1880».¹⁷ Софья Владимировна рассказала, что фотография была вручена ее брату в день его рождения, когда Федор Михайлович пришел навестить и поздравить их родителей — Владимира Андреевича Штакеншнейдера и его жену, урожденную Малиновскую.

«Целая книга выйдет, если написать все об отношениях моих с родными...», — говорил Ф.М. Достоевский. Сам Достоевский такой книги не написал, но дошедшие до нас мемуары его родственников, их переписка, фотографии являются своеобразной «семейной хроникой» Достоевских.

В собирании семейных реликвий немалое значение имеет общение с потомками писателя, живыми представителями его рода и с теми, кто был с ними знаком. Так, первой заведующей Музеем Достоевского В.С. Нечаевой удалось познакомиться с Екатериной Михайловной Достоевской, младшей дочерью старшего брата писателя М.М. Достоевского. Она передала музею фотографии, рисунки Михаила Михайловича (он хорошо рисовал), напечатанные еще в 1930-е, рукописи его сочинений, переписку с отцом и с Федором Михайловичем, а также толстую редакционную тетрадь журналов «Время» и «Эпоха». От нее перешли в музей портреты всей семьи — фотографии племянников и племянниц Достоевского.

Екатерина Михайловна Достоевская умерла в 1932 г. Тогда же, в 1930-е В.С. Нечаева встретила и с подмосков-

ными потомками Достоевских. В Даровом, где семья Достоевских проводила летние месяцы 1831—1836 гг., проживали в 1930-е его племянницы, дочери любимой сестры Веры Михайловны Ивановой, — Мария Александровна и Ольга Александровна Ивановы. М.А. Иванова заведовала домиком Достоевского, который находился в ведении Зарайского краеведческого музея, давала уроки музыки (она окончила Московскую консерваторию по классу фортепиано). Это она передала музею овальный стол, стоявший в гостиной на Божедомке, и книжный шкаф. Из Дарового был вывезен и диван, купленный Достоевским в 1866 г., когда он поселился на даче в Люблине, по соседству с Ивановыми. Возвращаясь в сентябре в Петербург, он оставил его в семье Веры Михайловны, которая и привезла его в Даровое, перешедшее впоследствии ей по наследству. Из Дарового были вывезены церковные (обыскные) книги Моногаровской церкви и огромная семейная переписка Ивановых.

В сентябре 1940 г. В.С. Нечаева все рукописные материалы, полученные у Е.М. Достоевской и Ивановых, передала в рукописный отдел Гос. библиотеки им. В.И. Ленина.

В 1955 г. я впервые приехала в Даровое по заданию Николая Павловича Анциферова, руководившего созданием в музее на Божедомке экспозиций, посвященных Достоевскому, в 1940-е гг. и в 1956 г. Тогда и были сделаны мною фотографии Дарового, Чермошни, Моногарова и дорог между ними, сохранившихся перелесков, оврагов, которые запомнились Достоевскому с детства. Помогала мне лаборантка фотолаборатории Гослитмузея Я.М. Познанская. Виды этих мест, сделанные нами, украшают многие российские и зарубежные издания. В Даровом мне рассказали, что в Зарайском уезде живет родственница Достоевского. Я нашла ее в Коломне, мечтая о том, что в семье сохранилась книга с дарственной надписью Достоевского Софье Александровне Ивановой (в замужестве Хмыровой). Ведь это ей был вначале посвящен роман «Идиот». Но эта книга и многое другое погибло в 1937 г., сохранился лишь большой альбом с тяжелой мраморной крышкой и фотографии, которые, как она говорила, уже никто не может разгадать. Вера Ивановна Михневич (дочь Михневичей — Ивана Михайловича и Софьи Дмитриевны,

урожденной Хмыровой) привезла альбом в музей в 1966 г. И недавно некоторые фотографии из него сумела расшифровать хранительница фонда Достоевского Т.Ю. Соболев. Среди фотографий оказались изображения семьи Ивановых, которых любил Достоевский, дружил с ними.

Удалось «разгадать» и мне один из альбомов А.Г. Достоевской. Разыскивая реликвии, связанные с Достоевским, я искала тех, кто был знаком с Анной Григорьевной, дружил с Екатериной Петровной Достоевской. В Киеве я нашла того студента, который в 1916 г. дважды встречался с Анной Григорьевной, а в Гаграх жила ее бывшая горничная. Ее рассказы помогли мне установить происхождение одного альбома, который в фондах ГЛМ назывался «альбомом от Иоаниди» (по фамилии его владелицы из Грузии). Анна Григорьевна не любила расставаться с фотографиями детей и, уезжая из Петербурга на свою кавказскую дачу в Адлере, взяла с собой альбом с их фотографиями — от младенчества до юности. В нем же были фотографии близких друзей и родственников. Ее горничная Агафья Никифоровна Николаева (тогда ей было 16 лет) видела альбом и помнила о нем. Слышала она и о рукописях Достоевского, оставленных Анной Григорьевной в Адлере, когда она в 1917 г. была вынуждена срочно покинуть свою любимую кавказскую дачу.¹⁸ Тогда же был оставлен и этот альбом, неизвестно какими путями попавший к Иоаниди.

На основе поездки в Малый Прикол мне, единственной из достоевистов попавшей туда, удалось определить происхождение неизвестного рисунка из альбома А.Г. Достоевской, приклеенного в конце альбома к форзацу. Карандашный рисунок изображает пейзаж: в центре пруд, слева на холмистом берегу помещичий дом, справа деревня. Слева внизу карандашом: «Picol. 97». Это дом, в котором Достоевский провел лето 1877 г. в усадьбе Ивана Григорьевича Сниткина, брата Анны Григорьевны. Их фотография вдвоем также находится в альбоме среди других семейных фотографий.¹⁹

Особое значение в собрании московского музея занимает коллекция Андрея Михайловича Достоевского, полученная мною в дар от Марии Владимировны Савостьяновой, внучки Андрея Михайловича.

По общему мнению всех братьев и сестер Достоевских, младший брат Андрей был единственным историографом и хранителем семейных реликвий. Он автор единственных воспоминаний о детстве писателя, о той обстановке на Божedomке, в которой вырос будущий писатель. Федор Михайлович любил с ним беседовать о московской старине.

«Я, голубчик брат, хотел бы тебе высказать, что с чрезвычайно радостным чувством смотрю на твою семью. Тебе одному, кажется, досталось с честью вести род наш: твоё семейство примерное и образованное, а на детей твоих смотришь с отрадным чувством. По крайней мере, семья твоя не выражает ординарного вида каждой среды и середины, а все члены её имеют благородный вид выдающихся *лучших* людей» (29, II; 133).

В семье Андрея Михайловича хранились портреты родителей писателя, прадеда и бабушки, тетушек; всех многочисленных родственников, которые окружали писателя в детстве. Все это бесценно для музея. Но адреса у меня не было. Кто-то из потомков сказал, что в Ленинграде, на Васильевском острове, близ церкви живут потомки Андрея Михайловича. Пройдя почти все линии Васильевского острова, однажды я подошла к дому близ бывшего киевского подворья на 15-ой линии, почти у самой набережной Невы. Дверь открыла Александра Михайловна Ленина и сказала, что надо придти завтра, чтобы увидеться с Марией Владимировной Савостьяновой. Обе они (двоюродные сестры) внучатые племянницы Достоевского и внучки Андрея Михайловича, коллекция которого перешла в наследство к его младшему сыну Андрею Андреевичу Достоевскому (родился в 1863, встречался с Достоевским в Петербурге). Андрей Андреевич — редактор изданных в 1930 «Воспоминаний» своего отца, автор вступительной статьи. Когда книга вышла, он подарил ее дочери своей сестры Варвары Андреевны Савостьяновой: «На радостное воспоминание о нашем милом папе и дорогой племяннице Машуте, убежденной почитательнице своих предков...» Дарственная надпись на книге (Мария Владимировна показывала ее мне) была сделана 29 марта 1930. Андрей Андреевич благодарил ее и за ту помощь, которую она ему оказывала при издании книги.

А.А. Достоевский много сделал и для московского музея Ф.М. Достоевского. 11 ноября 1928 г. он приезжал в Москву на открытие Музея-квартиры Ф.М. Достоевского и выступал с приветствием от Пушкинского дома Академии наук. В конце 1920-х он был ученым хранителем Пушкинского дома.

Анна Григорьевна Достоевская глубоко уважала его, просила быть наставником ее детей и назначила душеприказчиком по ее завещаниям 1905 г. и 1915 г. Автор книги «Хроника рода Достоевского» (М., 1933) М.В. Волоцкой обращался к нему за помощью. Умер Андрей Андреевич в 1938 г.

Мария Владимировна (1894–1982) сумела в суровые дни блокады Ленинграда спасти и сохранить семейные реликвии, которые она свято хранила. В июне 1942 она «нагрузила, что поценнее, — семейные портреты, альбомы в детскую коляску и везла весь вечер по Большому проспекту до 15-ой линии» (Дневник М.В. Савостьяновой «Ленинградцы в осажденном Ленинграде и в эвакуации»).

В 1958 г. я привезла от Марии Владимировны 40 портретов и 102 книги из библиотеки А.М. Достоевского. Семейные вещи и документы Достоевских продолжали поступать от нее и в 1960-е. В 1976 г. мы вместе с Марией Владимировной задумали и устроили на Божедомке вечер, посвященный Андрею Михайловичу Достоевскому. Помогала нам и Ирина Николаевна Голеновская, внучатая племянница Достоевского (по линии его младшей сестры Александры Михайловны, во втором браке Голеновской). Она жила в Москве и часто бывала в музее.

Мария Владимировна специально приехала из Ленинграда с докладом «Ф.М. Достоевский и семья А.М. Достоевского (по семейным материалам)», читала еще не опубликованные тогда «Воспоминания Варвары Андреевны Достоевской о Ф.М. Достоевском».²⁰ Это было одно из интереснейших музейных заседаний цикла «Достоевский и его окружение». Она рассказывала и о задуманной ею своей коллекции книг «О человеке» (документальная, биографическая, мемуарная литература). Мария Владимировна была доктором физико-математических наук, делегатом XIII Международного конгресса историков науки, происходившего в Москве в августе

1971 г. Занималась оптикой. Любила путешествовать. Совершая дальние поездки по нашей стране (из-за секретности ее работ она не выезжала за границу) и бывая проездом в Москве, она непременно приходила в Музей. И я всегда, оказавшись в Ленинграде, спешила к ней на Васильевский остров. В юбилейный год Достоевского, 1971-й — 150 лет со дня рождения и 90 со дня смерти, мне удалось через Союз писателей СССР пригласить в Москву всех, известных мне тогда, потомков Достоевского. Мария Владимировна очень радовалась этой встрече.

В последний мой приезд в Ленинград в 1978 г. Мария Владимировна подарила музею «змейку» — бронзовую подставку для перьев. Может быть, она стояла на одном из ломберных столов на Божедомке, за которым Достоевский занимался уроками, или была у отца его, когда он, приходя из больничных палат, писал гусиным пером «скорбные листы» (истории болезни пациентов Мариинской больницы для бедных). С этой семейной реликвией никто из Достоевских не хотел расставаться. Мария Владимировна сняла ее со своего письменного стола. «Кроме ценности, которую имеет дар сам в себе, он очень дорог и для характеристики самого дарителя» (Н.С. Лесков).

Многое было подарено Марией Владимировной и другим музеям. В Царскосельский дворец перешло из ее квартиры одно из прекрасных полотен венецианской школы, есть ее дары и в Павловском дворце; в Петербургский и Старорусский музеи Ф.М. Достоевского — старинный фарфор, книжный шкаф А.М. Достоевского, альбомы в старинных кожаных переплетах с семейными фотографиями; рукописи А.М. Достоевского были переданы в Пушкинский дом. Московский музей был первым, получившим бесценные сокровища из богатейшей коллекции А.М. Достоевского.

О том, как много теряют читатели, не зная тех мест, где жил писатель, и какое огромное влияние они оказывали на его душу, как много говорят о нем дома, улица, где он жил, как это необходимо для понимания психологии его творчества и особенно для постижения произведений такого писателя, как Достоевский, говорил нам, молодым сотрудникам музея, наш дорогой наставник Николай Павлович Анцифе-

ров, автор знаменитой книги «Петербург Достоевского», основоположник той особой области литературоведения, которая занимается изучением литературных мест. Мы беседовали с Николаем Павловичем в дни создания в Музееквартире Ф.М. Достоевского на Божедомке новой экспозиции (он был нашим главным экспозиционером) к юбилею Достоевского 1956 года о том, как важно было бы совершить поездку по сибирским местам Достоевского, увидеть, в каком они состоянии, что там помнят о Достоевском. Ведь музеев его памяти там еще не было. Нужно было за них бороться!

Командировка была дана мне музеем в два города — Омск и Семипалатинск. Но я постаралась заехать и в Барнаул, где Федор Михайлович бывал по делам своей военной семипалатинской службы, и, конечно же, в Кузнецк, городок счастливых, но таких коротких дней Достоевского, долго не привлекавший к себе особого внимания исследователей жизни и творчества великого романиста.

На железных дорогах было такое правило — по одному билету можно останавливаться по дороге в разных городах, надо только не забыть отметить билет у начальника станции. Узнав об этом, я решила по дороге в Сибирь заехать в станицу Михайловскую Саратовской области. Там жил замечательный человек — Михаил Яковлевич Слащев, руководитель детского хора, отмеченного на фестивале музыкальных коллективов, проводившемся в Центральном доме Советской Армии, рядом с Божедомкой. Кто-то из посетителей музея рассказал мне однажды, что у Михаила Яковлевича есть фисгармония Достоевского!

В станице его все знали. Михаил Яковлевич был в прошлом епископом в Астрахани, но, вернувшись из Соловков, решил стать учителем музыки и создал детский хор. Фисгармония была ему нужна. Но он подарил ее музею!

Это оказалась фисгармония, принадлежавшая племяннику Достоевского, сыну М.М. Достоевского, «Федору Михайловичу младшему», как называли его в семье. Пианист, ученик Антона Рубинштейна, директор Саратовского отделения Русского музыкального общества, он завел в Саратове собственную фабрику музыкальных инструментов. На фис-

гармонии надпись: «Ф.М. Достоевский. Grand prize. Paris». М.Я. Слащев подарил музею эту фисгармонию и помог мне отправить ее в Москву «тихой скоростью».

Помню, как некоторые музейщики презрительно отнеслись к такой находке... Но она пригодилась... Другой бывший священник, Алексей Николаевич Троицкий, любивший наш музей, сумел на ней исполнить стихотворение — акrostих, из первых букв строчек которого слагается слово «Достоевский», напечатанный в 1790 г. в сборнике «благотворительных, покаянных и умилительных песен» — «Богогласнике», изданном Почаевской лаврой, «Песнь покаянная», творец Достоевский по краегранию. В семье предполагалось, что автором стихотворения был дед Достоевского, т.е. отец Михаила Андреевича Достоевского.²¹ В музее было проведено немало музыкальных вечеров с исполнением акrostиха. Студенты Д.Д. Шостаковича приходили в музей изучать ноты «Богогласника».

Отправив фисгармонию в Москву и направляясь в Омск, я не могла не остановиться в Сталинграде и не подняться на Мамаев курган (мемориала тогда еще не было). Я в сумерки бродила одна по кургану, спотыкаясь об осколки снарядов и мин, забыв о времени, и опоздала на поезд. Но мне восстановили билет, узнав, где я была...

Далее дорога к Омску шла через Челябинск, где предстояла пересадка. Там, в часы ожидания поезда, я успела зайти в краеведческий музей и обнаружила книгу с пометами Достоевского — «Собрание повестей, рассказов и стихотворений Н.К-на», изд 2-е, СПб., 1863.

Остановилась я и в Оренбурге, чтобы выяснить в архиве, не сохранились ли там материалы об Ап. Григорьеве и А. Плещееве, друзьях Достоевского.

Выезжая в Сибирь, я взяла с собой фотоаппарат. Первые снимки были сделаны в Омске. Это дома, связанные с Достоевским. Омская крепость, омский каторжный острог не сохранились, но в уголке Омска, который примыкал к острогу, уцелели здание бывшей гауптвахты, бывший «комендантский дом», генеральский дом, возле которого Достоевский чистил снег, и другие домики времен пребывания писателя на каторге.

Мне удалось найти здание бывшего острожного госпиталя, разыскать потомков фельдшера Гладышева Николая Евграфовича и получить его фотографию. Н.Е. Гладышев служил в 1850-х фельдшером в Омском остроге, затем служил ординатором в Семипалатинске (см. о нем: «Мир Божий», 1897, № 8, с. 27). Достоевский помогал ему ухаживать за «приводимыми после экзекуции солдатами и арестантами». Уцелели и «Тарские ворота» (1791), которые вели к острогу. Одна из моих омских фотографий вошла в «Альбом Достоевского», изданный во Франции.²²

В Омске я познакомилась с замечательным человеком — А.Ф. Палашенковым, ученым, краеведом, возглавлявшим Омский краеведческий музей в 1930—1940-е. Это он показал мне попавшую в Омск мебель из салона Е.А. Штакеншнейдер, и мои многолетние поиски Штакеншнейдеров начались с 1958 года. А.Ф. Палашенков совершил с молодыми краеведами путь, по которому следовал Достоевский из Омска до Семипалатинска.

По дороге в Омск я сошла с поезда в Кузнецке. В самом начале улицы Достоевского, там, где стояла когда-то сожженная в 1919 г. Одигитриевская церковь, в которой происходило венчание Достоевского с М.Д. Исаевой, жива была еще лиственница, помнившая Достоевского. К ней можно было подойти и погладить ее. На фотографии, сделанной мною тогда, стояла она возле белого одноэтажного домика, одного из уцелевших строений Одигитриевской церкви. Далее по этой улице находится дом, в котором в 1857 г. Достоевские поселились после свадьбы (ныне музей Достоевского).

А.Г. Достоевская, собирая виды местностей, где бывал Достоевский (обращаясь, например, к П. Семенову-Тянь-Шанскому с просьбой найти для ее музея виды Семипалатинска, где он встречался с ним), Отдел XI в каталоге музея называет: «Виды местностей, зданий и пр., с которыми соединены воспоминания о Ф.М. Достоевском». К «прочим» изображениям, включенным ею в каталог, она, очевидно, относилась, кроме фотографий домов, и фотографии мест, где Достоевский любил совершать прогулки. К этому обозначению «пр.» можно отнести и старую лиственницу, свидетельницу счастливых дней Достоевского.

И в Кузнецке я встретила интересных людей, изучавших старину этого отдаленного края Сибири, а в Москве познакомилась с кузнечанином В.Ф. Булгаковым (личным секретарем Л.Н. Толстого), первым публикатором брачных документов Достоевского (газета «Сибирская жизнь», Томск, 1906).

В Барнауле, по дороге из Кузнецка в Семипалатинск (из 10 командировочных дней оставалось три дня), я подсказала в краеведческом музее сотрудникам его, что и где следует искать о Достоевском.

В Семипалатинске я нашла потомков подполковника Белихова, командира Сибирского линейного № 7 батальона, в доме которого Достоевский познакомился с А.И. Исаевым, бывал вместе со своими семипалатинскими друзьями. Достоевский рассказывал в письмах к родным и друзьям о добром отношении к нему батальонного командира. В 1958 г. в доме Белиховых еще хранились те номера «Современника», которые мог читать Достоевский. «Выйдя сюда, в Семипалатинск, я стал читать больше», — писал Достоевский А.Н. Майкову. После поездки по городам Сибири вместе с писателем М. Никитиным я от имени московского, единственного в нашей стране тогда музея Достоевского обратилась на страницах «Литературной газеты» с письмом (подписанным К. Фединым, Л. Леоновым, В. Лидиным, В. Кирпотиним, — посетителями нашего музея), призывающим общественность сохранить в Семипалатинске и Кузнецке дома, в которых жил Достоевский и создать в них музеи. Решение Семипалатинского горсовета об освобождении дома Достоевского последовало в том же году. Началось движение по созданию музеев Достоевского и в Кузнецке, и в Омске, и в Семипалатинске, где нужно было спасти от сноса и Тарские ворота, и все, что было связано с Достоевским.

Неожиданной формой собирания всего, что связано с именем Достоевского, явились задуманные мною встречи в музее с бывшими жителями Старой Руссы и Козельска, близ которого находится в 3-х верстах Оптина Пустынь, с теми, кто волею судеб оказались москвичами, но никогда не забывали своего родного города. Это были землячества, которые не только были забыты, но в те 1960-е, как я узнала

недавно, не поощрялись в нашей стране. А началось с того, что нужно было спасти руины Оптиной Пустыни, ее разрушенные соборы и запущенные могилы, спасти как памятник русской духовной культуры (говорить о ней как о сокровищнице русского православия в то время было невозможно). Приходили козельские, белевские, калужские, московские краеведы, ученые, писатели, художники, коллекционеры. Не пропускали эти заседания Илья Ильич Толстой и Владимир Ильич Толстой, С.Т. Коненков, поэтесса Н.А. Павлович (духовная дочь последнего старца Нектария), потомки художника Бруни, создавшего немало работ, посвященных Оптиной. Нина Константиновна Бруни подарила музею одну из них — акварель 1929 г. (кресло старца Нектария, принадлежавшее старцу Амвросию). Краеведы разыскали редчайшие изображения старца Амвросия (прототипа Зосимы в романе «Братья Карамазовы»), подарили музею старинные открытки и фотографии с видами монастыря. И совместными усилиями (с московским Музеем Л.Н. Толстого) нам удалось добиться того, что уцелевшие здания в Оптиной, весь ансамбль были приняты в 1974 г. под государственную охрану, а в бывшем скиту открыт уголок Достоевского.²³

Не менее многолюдным было и старорусское землячество. Приходили и те, кто около Старой Руссы воевал в годы Великой Отечественной войны (среди них — Григорий Григорьевич Пушкин — правнук поэта), и те, кто учился в старорусской школе имени Достоевского, основанной Анной Григорьевной в 1885 г. В коллекции А.Г. Достоевской было 10 видов мест этого старинного города, в котором Достоевский писал романы «Подросток» и «Братья Карамазовы». Коллекция музея намного увеличилась. Уникальные открытки с видами Старой Руссы подарил музею В.М. Глинка, когда я пришла к нему в Эрмитаж (он заведовал Военной галереей 1812 года). Рушане гордились им, своим земляком, автором книги о Старой Руссе.

История иллюстраций к сочинениям Достоевского началась еще при его жизни. До нас не дошли упоминания Достоевского в письмах об иллюстрациях к повестям «Бедные люди» и «Двойник». Первыми появившимися в печати бы-

ли иллюстрации П. Федотова к рассказу «Ползунков» («Иллюстрированный альманах», 1848).

В 1862 г. в Петербурге появилась на Академической выставке картина ученика Академии художеств К.П. Померанцева, названная им «Праздник Рождества в Мертвом доме», сюжетом для которой, несомненно, явились «Записки из Мертвого дома». Обращение художника к иллюстрированию литературного произведения, первая иллюстрация к такому произведению, как «Записки из Мертвого дома», рассматривалось современниками явлением необычным в живописи. Среди изображенных Померанцевым обитателей Мертвого дома в центре картины — Достоевский. Лицо писателя очень близко к фотографиям начала 1860-х. Художник мог видеть и слышать в его исполнении отрывки из «Записок из Мертвого дома», бывая на литературных вечерах, где молодежь восторженно встречала автора.

Эта картина и первые издания романа «Бесы» были обнаружены в запасниках ленинградского Музея революции в 1955 г. и представлены впервые в московском Музее Достоевского в 1956 г.²⁴

К.П. Померанцев по окончании Академии художеств поселился в Нижнем Новгороде. Мне не удалось найти других работ художника в Нижегородском Художественном музее, кроме одной его картины «Харон перевозит души умерших через реку Стикс», выставившейся на годичной Академической выставке 1860/1861 гг.

При жизни Достоевского была создана иллюстрация к роману «Преступление и наказание» художником В.И. Порфирьевым — «Встреча Раскольникова с мещанином». Достоевский видел эскиз. Журнал «Осколки» просил у Достоевского в декабре 1880 г. сообщить свое мнение о нем. Ответ Достоевского воспроизведен в журнале под рисунком (см. «Осколки», 1881, № 2 — «Помещаемый Вами эскиз весьма недурен. Федор Достоевский»).

1881 годом помечены иллюстрации известного иллюстратора выдающихся литературных произведений П.М. Боклевского. Судя по архивным документам о Боклевском, просмотренных мною в РГАЛИ, иллюстрации могли быть начаты еще при жизни Достоевского. Боклевский обычно стремился

запечатлеть «типы» действующих лиц, и главных, и второстепенных. Стремление дать портретные характеристики персонажей своих романов присуще было и самому Достоевскому. Так, в его черновиках к роману «Преступление и наказание» мне удалось угадать лица его героев и даже установить автопортрет Достоевского, сделанный им в рукописях 1870-х.²⁵

Впервые страницы рисунков Достоевского опубликованы мною в кн.: Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание. «Наука», 1970. Серия «Литературные памятники». Иллюстрации Э. Неизвестного. Издание подготовили Г.Ф. Коган, Л.Д. Опульская (например, с. 342, 461 и др.).

Выдающееся значение получили в начале XX века иллюстрации М. Добужинского к «Белым ночам». На выставке представлены даже гравировальные доски.

Впервые представлены офорты Сарры Шор, предназначенные для издания романа «Бесы», подготовленного в 1935 г. Л.П. Гроссманом, и иллюстрации к «Великому инквизитору» Ю. Селиверстова, не допущенные к публикации даже в 1970-е. Удалось опубликовать лишь портрет Достоевского его работы.²⁶ Долго не выставлялись и не публиковались работы А.Н. Корсаковой. Когда я впервые в начале 1970-х. пришла к ней в мастерскую, у нее было более трехсот психологически сложных портретов персонажей великого писателя, замечательно решен портрет Ф.М. Достоевского. Я устроила в Музее Достоевского, затянув холстом одну из самых больших стен, первую выставку ее работ (сохранился пригласительный билет).

Еще в середине 1950-х мне не раз приходилось поддерживать молодых начинающих иллюстраторов Достоевского, выступая на защитах дипломных работ в художественных училищах, приобретая их работы, впервые вводя их в экспозицию музея (например, картину «Достоевский в Петербурге» И. Глазунова²⁷; работы В. Линницкого, выпускника Московского художественного института им. В.И. Сурикова, автора глубоких психологических и исполненных философскими раздумьями иллюстраций к рассказу Достоевского «Сон смешного человека» и к роману «Братья Карамазовы»; работы Н.В. Розановой-Верещагиной, дочери В.В. Розанова).

«Понять Достоевского вне его чтения невозможно. Нужно проникнуть в его библиотеку, чтоб приподнять край покрывала над тайной его творческих зачатий».²⁸

На выставке представлены книги, «поразившие» писателя в детстве; и те, которые были нужны ему «как воздух», как материал «необходимейший» для работы; и все собрания его сочинений и отдельные издания романов, выходившие при его жизни; и семь собраний его сочинений, изданных А.Г. Достоевской; и тот самый экземпляр подготовленного ею к изданию в 1906, к 25-летию годовщины смерти Достоевского, полного собрания сочинений, на котором она сделала на полях книг свои примечания, представляющие высокий комментаторский интерес.

Гордостью каждой коллекции являются книги с дарственными надписями. По признанию исследователей творчества Достоевского, наибольшей частью книг Достоевского с его автографами обладает московская музейная коллекция.

На выставке представлено более широко (чем это было в экспозиции Музея) изучение Достоевского. Впервые экспонируются, например, книги из коллекций В.В. Розанова, Г.И. Чулкова, В.И. Срезневского, Л.П. Гроссмана, А.С. Долинина.. Они были собраны Государственным Литературным музеем в течение многих лет и хранятся в старейшей его библиотеке.

Книжные впечатления Достоевского, «гениального читателя», величайшего знатока мировой литературы, показаны на выставке не только книгами из семейных коллекций (А.М. Достоевского, М.М. Достоевского), но и редкими изданиями из книжных фондов ГЛМ.

Немало было поисков, а в связи с ними и радостей, и горечи утрат, когда обнаруживалось, что некоторые материалы безвозвратно утрачены. Были пройдены дороги, по которым прошел Достоевский, и найдены в архивах такие страницы, к которым никто из исследователей еще не прикасался, были встречи с интересными людьми. Неожиданными были радости, когда в знак уважения к неустанным поискам владельцы реликвий преподносили их в дар. Так, на собрании, посвященном Ф.М. Достоевскому в МОСХе, где художники рассказывали о своей работе над иллюстрациями к произведениям Достоевского, а я — о рисунках Достоевского в его

рукописях, была преподнесена хранившаяся у профессора Петербургского университета, друга Достоевского Ореста Федоровича Миллера тетрадь с воспоминаниями о нем. В тетради оказались воспоминания друга его юности А.Е.Ризенкампа, которые в печати полностью не появлялись. На следующий день после этого собрания, возглавлявшегося Виталием Горяевым, группа иллюстраторов Достоевского, получивших премии на Международной книжной ярмарке в Лейпциге, принесла музею в дар свои работы.

Известный журналист И.А. Полонский подарил в 1971 величайшую ценность — неизвестный автограф Достоевского(!) — письмо писателя к Н.Н. Страхову 1873 года.

Каталог является фактически первым описанием наиболее ценной части богатейшего собрания Достоевского в Государственном Литературном музее. Этот каталог принципиально отличается от традиционных архивных каталогов. Воспроизводя логику построения выставки, устанавливая новые связи между экспонатами, он представляет даже хорошо известные материалы в новом и неожиданном свете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГБ, ф. 93. II. 5, с. 57.

² РГБ, ф. 93. II. 1, с. 765.

³ А. Мальро. Антимемуары. «Зеркало лимба». М., «Прогресс», 1989, с. 224 (первый русский перевод). Речь идет о Евангелии, принадлежавшем Достоевскому, которое ныне хранится в сейфе рукописного отдела РГБ.

⁴ Коган Г.Ф. Черновой набросок к роману «Униженные и оскорбленные». — «Литературное наследство», т. 86. Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973, с. 11—15; ПСС, т. 3.

⁵ Модзалевский Б.Л. «Достоевский — член-корреспондент Академии наук». — «Однодневная газета Русского Библиологического общества», Пг., 1921, 13 октября. 12 ноября.

⁶ Коган Г.Ф. Диплом из архива. «Известия», 1976, 1 сентября.

⁷ РГБ, ф. 93, III. 1, с. 770.

⁸ Там же, с. 737.

⁹ ИРЛИ РАН, 218. 306000/С.XI.V.64.

¹⁰ Дневник писателя, 1877, декабрь, гл. 2.

¹¹ Александров М.А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах. — В кн.: Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990, т. 2, с. 282.

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ

¹² Копиями, заказанными А.Г. Достоевской для Исторического музея, являются кресло и книжный шкаф (см. «Библиографический указатель», № 4102: «Шкаф дубовый (точная копия с принадлежавшего Ф.М. Достоевскому)»; № 4110: «Кресло пред письменным столом (точная копия с принадлежавшего Ф.М.)». Первые посетители «Музея памяти Достоевского» отмечали: «вдова заказала точную копию с этих предметов, и они вышли настолько удачно, что даже она не может с уверенностью сказать, что она не перепутала и копии остались у ней, а подлинники попали в музей». Стол подлинный.

¹³ Письмо **Е.П. Достоевской** к М.Д. Львовой. (РГАЛИ, фонд Львовых. Копия — ГЛМ. ф. 81. оп. 1, д. 100).

¹⁴ Письмо от 13 июня 1880. ПСС, т. 30 (I), с. 189.

¹⁵ В альбом О.А. Козловой. 31 января 1873. ПСС, т. 27, с. 119.

¹⁶ Очевидно, это тот портрет, который разыскала в Риге для Анны Григорьевны Е.А. Штакеншнейдер.

¹⁷ Подробнее см.: **Неизвестный Достоевский. Алексей Эйсснер**. Из воспоминаний о Достоевском. Публикация и вступительная статья **Г. Коган**. «Знамя», 1991, № 11; также «Литературная газета», 1996, 2 октября.

¹⁸ **Коган Г.Ф.** Вечное и текущее (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя). — В кн.: **Достоевский в конце XX века**. М., 1996.

¹⁹ **Коган Г.** Достоевский на дорогах России. «Литературная газета», 1974, 25 декабря.

²⁰ Достоевский в кругу родных. Публикация **М.В. Савостьяновой**. «Советская культура», 1980, 26 сентября.

²¹ См. **М.В. Волоцкой**. Хроника рода Достоевского. М., 1933, с. 47 — письмо племянника писателя А.А. Достоевского М.В. Волоцкому. 3 августа 1924.

Будучи в Сталинграде, я разыскала в Краснослободске (на другом берегу Волги) М.В. Владиславлева, потомка М.М. Достоевского: за М.И. Владиславлева, профессора Петербургского университета, вышла замуж его дочь Мария Михайловна, пианистка (сестра Екатерины Михайловны) — Волоцкой, с. 115, № 180. На основе беседы с ним мною сделаны уточнения в хронике, касающиеся Владиславлевых.

²² La rue Dostoievski a Omsk. Maison de generalite, gevant laquelle Dostoievski balagait la neige. Photo de G.F.Kogan, 1958. Album Dostoievski. Editions Gallimard, 1975, № 231; в Сибири были найдены мною материалы о тобольском архитекторе Д.С. Черненко, помогавшем Достоевскому.

²³ См. **Коган Г.Ф.** К истории поездки Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева в Оптину Пустынь. — Материалы научной конференции «Оптина Пустынь и русская культура». 1990, октябрь. ИМЛИ им. Горького, издательский отдел Московской патриархии и др. **Сорокин В.Н.** В музее Достоевского. Газета «Вперед», Козельск, 1966, 12 февраля.

²⁴ **Коган Г.** Картина, навеянная «Записками из Мертвого дома» (1862). // Ф.М. Достоевский. «Литературное наследство», т. 86, 1973, с. 593—596.

²⁵ **Коган Г.** Штрихи знакомых образов. — «Литературная газета», 1971, 10 ноября. О выставке рисунков Достоевского из его записных книжек в московском музее см.: **Водолажский В.** Рисунки Достоевского. Неизвестное об известном. — «Известия», 1979, 17 февраля.

²⁶ Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. «Литературное наследство», т. 86, «Наука», 1973, с. 705 — Достоевский. Офорт **Ю.И. Селиверстова**. 1970 (подбор иллюстраций Г.Ф. Коган).

²⁷ Рассказ об этом в кн.: **И. Глазунов**. Распятая Россия. М., 1996.

²⁸ **Гроссман Л.П.** Библиотека Достоевского. — Семинарий Достоевского. М.-Пг., ГИЗ, 1923, с. 7.